

Октября 17 (30)

Священномученик
Неофит Любимов

Священномученик Неофит родился 12 января 1846 года в селе Мордовские Липяги (местным населением называемом Таборы) Самарского уезда Самарской губернии в семье диакона Никольской церкви* Порфирия Петровича, первым получившего фамилию Любимов, и его супруги Евдокии Герасимовны. По окончании Самарского духовного училища и Самарской духовной семинарии Неофит был направлен для продолжения образования в Киевскую духовную академию, где учился на казенный счет с 1870-го по 1874 год на церковно-практическом отделении. Окончил он академию со степенью кандидата богословия, написав работу, имевшую в значительной степени литературоведческий характер: «Влияние христианства на древнерусский богатырский эпос».

27 июля 1874 года Неофит Порфирьевич распоряжением обер-прокурора Святейшего Синода был назначен преподавателем гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей в Симбирскую духовную семинарию. Вместе с этими предметами ему было поручено из-за болезни одного из преподавателей читать лекции по догматике и нравственному богословию в старших классах семинарии. По приглашению начальника Симбирской военной гимназии он с 10 сентября 1874 года по 18 декабря 1878 года преподавал в этой гимназии русский язык и гражданскую историю. В Губернском училищном совете состоял в это время директор народных училищ Симбирской губернии Илья Николаевич Ульянов, с которым Неофит Порфирьевич тогда познакомился и сына которого, ставшего деспотом в советской России, он просил впоследствии о помиловании своего зятя, миссионера Николая Варжанского, бессудно и несправедливо приговоренного к смерти.

В Симбирске семью Ульяновых знали, как семью православную, посещавшую храм, прибегавшую к Таинствам, соблюдавшую церковные обряды, в которой дети исповедовались и причащались. У семьи был и свой духовник, священник Виктор Боголюбов, совершавший в доме Ульяновых церковные требы и служивший молебны, а в дни тезоименитства Ильи Николаевича, под день празднования пророка Илии, он служил в их доме всенощную, для чего специально приглашался хор. Владимир Ульянов был ребенком жестоким, замкнутым и недоверчивым; в гимназии он держался с окружающими заносчиво и дерзко-насмешливо, младшего брата он доводил до слез, портил игрушки, не столько с ними играя, сколько ломая. Родители видели его недостатки, по мере сил старались их исправить, но потерпели в своих попытках сокрушительное поражение. Все дети Ульяновых, несмотря на религиозность родителей, уже в подростковом возрасте стали активными противниками и Бога, и основанной Им Святой Церкви. В гимназии их богом, которому они с завидным фанатизмом

* Храм Николая Чудотворца был выстроен в 1838 году, закрыт в 1930-х годах. В 1970-х годах село было снесено с лица земли вместе с храмом. В настоящее время на этом месте установлен памятный крест с табличкой.

поклонялись, стала «наука», а учителями – проповедники безбожия – Писарев, Чернышевский, Дарвин и Маркс; социал-дарвинизм, как бы оправдывавший их негуманное отношение к человеческому обществу и к людям, явился для них догматическим религиозным учением. Но Господь не забывал Владимира и посылал ему на жизненном пути добрых христиан, зовя к Себе. Господь звал его через пастырей, близких к его семье, звал через подвижника народного просвещения Николая Ивановича Ильминского, православного человека большой нравственной красоты, которого еще при жизни многие почитали праведником и который принял большое участие в жизни Ильи Николаевича и его детей, Александра и Владимира. Семья Ульяновых вела отношения и с учеником и соратником Ильминского, Иваном Яковлевичем Яковлевым, церковным просветителем чувашского народа; и он также принял участие в жизни ее в трудный для нее период. Но, увы, *много званых, но мало избранных...* (Лк. 14: 24).

Неофит Порфирьевич, проведя в Симбирской духовной семинарии пробные уроки, был определен на кафедру словесности, истории литературы и логики, оставаясь при этом до конца учебного года преподавателем литургики и соединенных с нею предметов. В 1876–1878 годах он кроме того преподавал русский язык и гражданскую историю в Симбирском епархиальном женском училище. Служению в этом училище преподавателем, а впоследствии пастырем и строителем училища была отдана им почти четверть века.

Живя в Симбирске, Неофит Порфирьевич обвенчался с дочерью купца города Ардатова Льва Ивановича Мурашкинцева, старосты ардаатовского Троицкого собора, Марией. Впоследствии у супругов родилось трое детей. Старший сын Павел, весьма способный, окончил Симбирскую классическую гимназию и собирался поступать в Киевский университет святого Владимира, но заболел воспалением легких и скоропостижно скончался. Дочь Анна впоследствии вышла замуж за чиновника, титулярного советника Сергея Александровича Михайлова, а младшая, Зинаида, – за миссионера Московской епархии Николая Юрьевича Варжанского*.

17 января 1879 года Департаментом герольдии Правительствующего сената Неофит Порфирьевич был утвержден в чине коллежского асессора со старшинством с 24 октября 1876 года, а 2 декабря 1881 года произведен в чин надворного советника со старшинством с 24 октября 1880 года.

В 1874-м, 1875-м, 1880-м и в 1885-м годах Неофит Порфирьевич преподавал гражданскую историю, словесность и педагогику в Симбирской Мариинской женской гимназии. 2 июня 1882 года он был избран членом педагогического собрания духовной семинарии, 24 октября 1884 года – назначен членом педагогического распорядительного собрания правления семинарии.

17 августа 1885 года Неофит Порфирьевич был назначен законоучителем и инспектором Симбирского епархиального женского училища. В субботу, 7 сентября, в Крестовой церкви архиерейского дома при сослужении соборного ключаря архимандрита Феодотия и иеромонаха Евгения епископ Симбирский и Сызранский Варсонофий (Охотин) рукоположил Неофита Порфирьевича во диакона к Введенской церкви при епархиальном женском училище, а на следующий день, 8 сентября, – во священника к той же церкви.

* Мученик Николай Варжанский; память 23 августа / 5 сентября.

Первое богослужение, которое он отслужил во Введенском храме, пришлось на праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. В тот день, обращаясь к слушателям уже как пастырь, он поведал о тех сомнениях, которые переживал перед принятием священного сана, и о своем видении пастырского служения. «Желание выйти на предлежащий мне подвиг, – сказал отец Неофит, – было не без колебаний, не без смущений, не без боязни от нового дела: священник должен неленостно возвещать людям всю волю Божию, проповедовать слово Божие великим и малым, образованным и необразованным, богатым и бедным; должен усердно и благоговейно совершать службу Божию, преподавать в чистоте духа и тела священные таинства верующим, исполнять молитвословия и в храме и в домах прихожан – вразумительно, неспешно и нерассеянно, вообще быть достойным орудием и проводником благодати Божией в души верных; как пастырь стада Христова должен быть советником и руководителем пасомых на пути к вечному спасению: несведущего научить, согрешающего вразумить, заблуждающегося направить, печального утешить, ожесточенного умирить; ему подобает быть всегда на страже, чтобы не унизить чем-нибудь себя и своего звания. Это-то столь высокое назначение и положение пастыря среди своих пасомых чрезвычайно смущало и затрудняло избрание мной нового служения в качестве пастыря в вашем приходе. <...>

Не требуйте от меня, – сказал он далее, – уклонений от прямого долга, не желайте человекоугодничества, чтобы через это мне заслужить ваше расположение. Горе вам, сказал Спаситель Своим ученикам, а в лице их и нам, пастырям, когда все люди будут говорить о вас хорошо. Смотрите на то, право ли я буду править свое служение у вас, и если право – благодарите Господа, а если и споткнусь, не оставьте – поддержите своим сочувствием, советом, трудом и молитвой. В том и любовь. Если же паче всякого чаяния заметите, увидите в моем житии что-либо соблазнительное для вас, вспомните тогда слова Господа: вся, елика аще рекут вам человецы (недостойные пастыри) блюсти, соблюдайте и творите: по делам же их не творите».

Отец Неофит ценил образование, весьма полезное как для земной жизни человека, так и для выбора наиболее удобных путей для спасения души. Он не считал образование роскошью, как это еще многими считалось недавно, а насущной необходимостью. «Приобретение знаний необходимо для каждого человека, пока он существует на земле. Учиться следует всякому и во всю жизнь: этого требует обязанность и нравственный долг существа разумного. Господь заповедал нам трудиться и в поте лица приобретать всё необходимое для жизни, – трудиться не одним телом, а еще более духом, работать не одними мышцами рук, а всеми силами душой своей. Самый телесный труд наш, не осмысленный знанием, ничем не отличил бы человека от работающего вместе с ним животного. Высочайшая Премудрость и любовь Божия поставила человека господином земли, которая есть его собственный дом и природное жилище. Плохой же был бы он хозяин, если бы не умел покорить и употребить в свою пользу подчиненные ему силы. Знание само есть сила великая и потому делает сильным и человека, который обладает им и умеет надлежащим образом пользоваться им. <...> Хотя бы знания были и невелики, при всем том они делают человека добросовестным, благородным, ведут к уменьшению преступлений, значит улучшают нравственность, приучают к труду, а через это уменьшают бедноту. <...> Стремление общества к просвещению народа при посредстве школ – одно из

отраднейших, благороднейших и необходимейших. Действительно, только школа может дать человеку необходимые ему для жизни знания. Но как ни важны и ни полезны они для человека, однако явятся неполными и слабыми, мертвыми и безжизненными, мрачными, и безотрадными, а иногда вредными и губительными, если не утверждаются и не восполняются словом Божиим, не оживляются Духом Премудрости и Разума, не озаряются светом веры Христовой и не управляются истинной любовью христианской. <...> Школа должна указать ему, что источник света и жизни находится в Боге, Господе нашем Иисусе Христе: „в том и состоит вечная жизнь, чтобы люди познали Бога и посланного Им Иисуса Христа“, говорит слово Божие. Следовательно, еще в школе члены ее должны научиться, кроме познания Бога, любить Его, исполнять Его заповеди, отвращаться от греха и совершать добрые дела, быть свободными от всяких самолюбивых, корыстных стремлений, притеснений других, обид, зависти, жестокости, гордости, забвения Бога. Только такая школа и такие знания доставляют счастье человеку временное и вечное», – сказал отец Неофит, обращаясь к пастве.

В женском училище, где в тот год в его шести классах обучалось двести пятьдесят семь человек, отец Неофит преподавал Закон Божий, дидактику и педагогику. 12 ноября 1885 года епископ Варсонофий переместил его как имеющего духовный сан с кафедры словесности в Симбирской семинарии на кафедру гомиластики и соединенных с ней предметов. Давая впоследствии характеристику отцу Неофиту, епископ написал о нем как о человеке высокой нравственности и надежном.

К этому времени выяснилось, что здание училища стало малó для такого числа обучающихся и не удовлетворяет их бытовым потребностям. Пришла необходимость построить новое здание. В октябре 1881 года в епархии был начат сбор средств на капитальную реконструкцию училища, в котором получали образование дочери духовенства и церковного причта. К 1885 году благочиния Симбирской епархии собрали 13 тысяч рублей. 2 июня 1885 года Совет училища обратился к симбирскому архитектору Михаилу Григорьевичу Алякринскому с просьбой составить проект и смету. Члены Совета высказали пожелание, чтобы постройка была без внутренних украшений, но с помещением для квартиры инспектора, и чтобы всё обошлось как можно дешевле. В вознаграждение было обещано 2 % от сметной суммы и столько же за наблюдение за стройкой; это было значительно меньше того, что обычно предлагалось за подобные работы. При рассмотрении сделанного проекта выяснилось, что он имеет большие дефекты, касающиеся коммуникаций, – они оказались вовсе не предусмотренными в проекте.

С этого времени забота по постройке нового здания и ремонту уже существующих легла в значительной степени на отца Неофита. С 18 сентября 1886 года по 15 декабря 1889 года он состоял членом строительного комитета при епархиальном училище и руководил строительством здания для классов, общежития для воспитанниц, бани, больницы и других. Эти работы требовали от отца Неофита постоянного внимания и из-за недостатка свободного времени по многочисленности обязанностей по преподаванию стали для него непосильны, и 29 августа 1889 года он, согласно своему прошению, был уволен с преподавательской должности в семинарии и целиком сосредоточился на преподавательской и воспитательной деятельности законоучителя и инспектора классов в женском училище, целиком посвятив себя задачам внутреннего и

внешнего его благоустройства. По его мнению, не только получение образования было важно, но и внешние условия, в которых жили и трудились ученицы.

Отец Неофит заботился и о том, чтобы и учителя получали достойную награду за свой нелегкий труд, и сами учебные заведения имели достаточно средств для приглашения необходимого числа учителей со стороны. 26 мая 1893 года состоялся церковный съезд депутатов Симбирской епархии под председательством преподавателя духовной семинарии протоиерея Матвея Ксанфа, известного тем, что он еженедельно выступал с проповедями и беседами, собиравшими иногда до пятисот слушателей. На протяжении долгого времени отец Матвей вёл беседы с раскольниками, продолжавшиеся по 4–5 часов в день в течение недели. Благодаря его трудам, некоторые беспоповцы вернулись в Церковь.

Съезд, детально обсудив поданную отцом Неофитом записку о необходимости увеличения поурочной платы преподавателям училища до 60 рублей в год, признал это предложение желательным для исполнения и даже необходимым «в интересах учебно-воспитательного дела училища», но нашел в то же время невозможным его исполнить «за неимением к тому средств и определил оставить вопрос этот открытым до ближайшего благоприятного в экономическом отношении времени, так как теперь от полного неурожая и недородов хлебов в предшествовавшие годы духовенство и церкви епархии крайне стеснены в своих средствах, и всякий новый налог на них будет обременительным и почти непосильным». Епископ Варсонофий на журнале съезда написал резолюцию: «Исполнить. Дай Бог, чтобы скорее настало это благоприятное время».

В 1896 году пришедший на место епископа Варсонофия епископ Никандр (Молчанов) благословил Совет епархиального училища озаботиться постройкой при училище новой каменной бани. Старая баня была никуда не годна, и ее после окончания постройки новой пришлось разобрать. Хлопоты по постройке, приглашению архитектора, обсуждению с ним строительного плана и устройства коммуникаций, приглашению подрядчика и обсуждению с ним смет и производства работ целиком оказались в ведении отца Неофита. Причем нужно было построить не только баню, но и необходимую для училища прачечную. Со всем этим отец Неофит справился блестяще и 18 сентября 1897 года подал в Совет училища подробный отчет с описанием сделанных работ, пригласив соответствующую комиссию принять постройку. В 1883 году отец Неофит был награжден орденом святого Станислава 3-ей степени, в 1896 году Святейший Синод наградил его наперсным крестом.

Ученицам епархиального училища, дочерям духовенства и церковного причта, по возвращении домой предстояло стать ближайшими помощницами священнослужителей в приходах и учительницами в церковно-приходских школах. Задача немалая. Ревнитель женского просвещения, отец Неофит в обращении к ним в начале учебного года ярко обрисовал стоящие перед ними задачи. Коснулся он и некоторых черт относительно недавнего безотрадного прошлого, «когда не было и помину о каких бы то ни было училищах для женского пола, когда и самая грамота предназначалась только лишь для мужчин, а удел женщины составляло исключительно домашнее хозяйство. Тогда были темные времена, в семье священника идеал жизненный мало простирался далее насущного хлеба; здесь было то же, что и в среде простолюдина, те же смутные понятия о Боге, мире и человеке, та же иногда грубость в нравах, что и в

крестьянской среде. Образованный служитель Божия алтаря по многообразию своих священнослужебных трудов для Святой Церкви и православного народа не мог в достаточной мере – как своей спутнице жизни, а равно и детям, особенно женского пола, преподать те христианские истины, какие необходимо знать каждому православному христианину. При этом же, чтобы слово назидания было действительно и приносило должный плод, для этого требуется и подготовительная почва, а её-то и не было, – я говорю о жене священника, которая была малоразвитой умственно и, можно сказать, нравственно, почему и не могла воспринимать добрых уроков своего мужа в деле веры и христианской нравственности. <...> Назначение воспитанниц епархиальных училищ – быть добрыми женами православных пастырей, а чтобы быть такими, необходимо и вам здесь – в этом рассаднике благочестивых мыслей и чувств по духу Христову – развить себя до соответствия образованному пастырю, чтобы спутник жизни мог найти в воспитаннице церковной школы, в которой вы теперь пребываете, жену добру – по слову Премудрого. Это великая задача заведения – образовать подружий для служителей алтаря, вполне достойных святого их служения. <...> Быт наших священнослужителей вам достаточно известен: вы сами вышли из среды духовной и туда же по выходе из школы пойдете. Быт этот в большинстве случаев убогий, носящий на себе отпечаток тяжелого труда. Поэтому, живя здесь, не вырабатывайте в себе задатков роскоши, не воображайте фантастически прелестных картин жизни в будущем, где постоянными спутниками вашей жизни должны были бы быть: наряды, богатство, роскошь, удовольствия. Нет. Житейские спутники семьи священнослужителя – тяжелый труд, занятия обыденные, заботы о хозяйстве, а иногда горькая нужда. К этому-то и приготавливайте себя, по гласу Церкви, по требованию школы, к жизни тихой, мирной, трудолюбивой, к довольству прибытком малым, к домашнему хозяйству, насколько это возможно в стенах заведения, чтобы войти в жизнь смелой поступью, с умением владеть необходимым домашним хозяйством, чтобы не быть в тягость ни себе, ни другим.

Жена, благовоспитанная по началам Святой Церкви в ее собственной школе, может быть и лучшей матерью в отношении воспитания детей. Она с млеком своим передает детям христианское настроение, еще в младенчестве научит их знать Бога и Церковь, передаст приемы в обращении скромные, вежливые, привычки добрые, благочестивые; она сообщит детям девицам нужные познания и домашним воспитанием достаточно может заменить школьное. <...> Но назначение ваше не ограничивается только домашним очагом. Ваше благотворное влияние должно простираться и на среду, в которой Господь благословит вас пребывать по выходе из школы. Здесь вы своей строгой нравственной жизнью, частым обращением в качестве учительницы или же воспитательницы – с тем или другим членом общества обязаны – в знак признательности к щедротам Святой Церкви утверждать в сердцах слово Христовой веры и содействовать распространению духа благочестия; здесь можете взять на себя часть забот о бедных и больных, являться с посильной помощью туда, где требуется эта помощь, приносить мир и согласие в те семейства, в которых начинается раздор и развивается вражда».

18 июня 1898 года в преддверии скорого расставания с окончившими епархиальное женское училище отец Неофит сказал им напутственное слово: «Настало время расстаться вам с воспитавшим вас учебным заведением. Шесть лет вы пробыли в нем, шесть лет полагались в вас семена добра и правды, дабы

ходить вам в жизни достойно вашего звания, к которому призваны Самим Господом (Еф. 4: 1). <...> Я же, многогрешный, в последние минуты вашего пребывания здесь, считаю необходимым своим бывшим духовным чадам сказать свое напутственное слово для назидания. Впрочем, не от себя поведу речь, не свои скудные и слабые знания имею в виду передать бывшим своим питомцам, выходящим теперь на свободу из-под надзора и руководства лиц воспитывающих, коснется вашего сердца слово Всеблагого Промыслителя, устрояющего судьбы человека на его благо и счастье.

Как отец, пекущийся о чадах своих, при вступлении их на самостоятельный жизненный путь, благословляя их именем Божиим, молится о том, чтобы Господь сподобил их в жизни земной всего доброго, хорошего, прекрасного; даровал бы им земное счастье и благополучие, так и я, бывший ваш нравственный и религиозный руководитель в школе, направлявший все ваши деяния и мысли ко благу и благополучию временному и вечному, в настоящие последние минуты вашего пребывания здесь и расставания с вами, от искреннего сердца, как ваш отец родной, прошу и молю Господа, да подаст Он вам на новом поприще вашей жизни все те высшие блага, какие предназначены Им для Его чад, живущих на земле».

Говоря о том, что его ученицам предстоит выйти из образовательного учреждения в мир, отец Неофит, по существу, воспел гимн женщине-христианке, ее способностям, ее возможностям, начертал богатейшую и разнообразнейшую программу жизни, из которой каждая выпускница могла выбрать образ жизни себе по сердцу, по душе, по своим талантам, возможностям и желаниям. Стать благочестивой женой и христианской воспитательницей детей, превратить свою семью в школу благочестия, воспитывая детей в духе религиозной жизни для жизни семейной, общественной и государственной. Или войти во врата святой обители, идти путем монашеским и, служа одному только Богу, «благотворно сиять миру из обителей иноческих делами веры христианской в назидание слабоверным и уклонившимся от исполнения заповедей Господних». Перед женщиной открыто поприще милосердия, благотворительности и просвещения народа, иной раз служения равноапостольного, чему достаточно примеров в истории Церкви. Для женщины открыт путь в государственные и частные, мужские и женские учебные заведения в качестве воспитательниц и учительниц подрастающего поколения. Школа в таких деятельницах имеет всегда острую нужду.

«Вы должны быть здесь благочестивыми без лицемерия, боящимися Бога, имеющими в душе страх Божий, – говорил отец Неофит. – Этот страх Господень требует от вас девственной чистоты в мыслях, чувствах, словах и действиях. Нравственная чистота, доброе идеальное настроение – вот те силы, то орудие, при посредстве которых вам суждено действовать в деле воспитания и обучения молодого поколения. <...> Не уклонитесь вы и от стояния на клиросе: как подготовленные в нашей духовной благонамеренной школе к чтению и пению церковному, не постыдитесь славословить Господа псалмами и песнями духовными, чем будете содействовать благоговейному возношению ума и сердца предстоящих к престолу небесному. А какая хвала вам будет от Господа и от народа в том случае, когда вы своим усердием образуете детский хор певчих для прославления Господа и Его святых угодников в храме Божием; вы поможете этим молитвенному настроению предстоящих в храме, поспособствуете привлечению большого количества посетителей дома Божия, придадите

церковному богослужению особое благолепие; будут во множестве ходить православные с молитвенным настроением слушать прекрасное ваше пение, а через него умягчатся сердца пришедших в храм Божий и направятся их мысли к Создателю мира. <...>

Но дело служения вашего на пользу ближнего в праздничные дни может продолжиться и по пришествии в дом из храма Божия. Двери жилища вашего в это время могут быть открыты в послеобеденное время для ищущих нравственно-религиозной помощи и доброго совета. В известный час к вам могут являться дети и их матери – ваши помощники и сподвижники в миссионерской деятельности, особенно в семейном быту, где властвуют среди детей и мужей, не стесняя впрочем свободы последних, передают то, чему сами научились, – послушать назидательное чтение из святого Евангелия, поучительные жизнеописания святых угодников Божиих, спеть общеупотребительные молитвы нашей Церкви, разубедиться в каких-либо суевериях, несовместимых с верой в истинного Бога. <...> Где, как не в домашней беседе, удобнее всего разрешить различные недоумения нашего ближнего, жаждущего истины, наставить его в правилах нравственности, поделиться с ним своими знаниями, вразумить согрешающих, прекратить возникающие между ними ссоры, расположить к взаимному расположению друг к другу в различных нуждах. Остальное время дня Господня может быть посвящено вами на посещение больных, в бедах и нуждах находящихся, в жизни которых можете вы принять самое живое участие воспользоваться случаем расшевелить лучшие стороны их душ, зажечь их огнем веры, надежды и любви, помочь добрым советом с практической стороны. <...>

В этом последнем случае ваша христолюбивая деятельность может проявиться в больших размерах. С именем сестры милосердия вам позволительно, вполне прилично и богоугодно ухаживать в больнице за больными, с самоотвержением проводит ночи без сна у их постелей и кроме внешних услуг предлагать слово евангельского утешения скорбящим. Любовь к ближнему поведет вас в темницы к узникам, чтобы и здесь, хотя отчасти, усладить горькую их долю и дать страждущей душе временную отраду».

Отец Неофит наставлял выпускниц, каким образом наполнить жизнь богатым содержанием и как достигнуть желанного всем людям счастья, что остается важным для людей во все времена, доколе будет жить человек на земле. Завершая слово, он добавил: «Благовоспитанные девицы нашей духовной школы! Народ кормил вас от щедрот своих и продолжает кормить. Платите ему и вы хлебом духовным – учите, через что сослужите великую службу Богу, Отечеству и человечеству. Учите всему доброму, как можете и умеете, учите домоводству, как шить, варить, беречь скот, разводить огороды и сады, птицу и пчел. Будьте живой силой между народом, величайшей из сил нашего времени – силой умственной. Будьте охранительницами разумных начал истиннорусской народной жизни.

Еще скажу вам последние слова: не гордитесь своим образованием не только перед своими родными, хотя бы они были и простые, бедные, и неученые, но и перед чужими, кто бы они ни были, постоянно памятуя, что истинное образование и строго-нравственное воспитание несовместно с гордостью и превозношением. Не чуждайтесь труда, особенно домашнего; не воображайте, будто бы труды и занятия унизительны для вас: никакой труд и полезное занятие, хотя бы самое простое, не унизительны; унизительнее всего гордость и

праздность. Любите свое звание и ту среду, из которой вышли. Будьте опорой престарелого отца, с детской любовью отстраняйте от него все невзгоды и тяжести жизни. Возьмите на себя все хлопоты по хозяйству у старушки-матери, ухаживайте за ней при ее немощах, несите вместе с ней горе и радости, будьте усадой в ее жизни, ибо вы обязаны всем своей матери. Не оставляйте своей детской любовью и помощью овдовевшего отца, а равно и вдовую мать: вы для них единственная отрада.

Жизнь не для всех бывает матерью, а для многих и мачехой. Может быть, и вы явитесь под опекой последней, т. е. доведется и вам встретить много неприятностей и огорчений. Не падайте тогда духом, ищите поддержки в вере в Бога, в живой надежде на Его милосердие и в любви Божией к нам грешным. Обращайтесь тогда с молитвой к Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, твердо веруя, что Она утешит, укрепит и защитит вас Своим покровом».

Попросил он выпускниц молиться и о епископе Симбирском Никандре, человеке твердых убеждений, благочестивом, смиренном, неизменно отстранявшем от себя человеческую похвалу, не терпящем лести и подобоострастия, оказавшем большое влияние на успешное благоустройство училища и с отеческой заботой вникавшем в детали его жизни.

Опытный педагог, отец Неофит с 20 июля по 20 октября 1898 года был председателем Комиссии по выработке правил для письменных упражнений. 27 октября он стал председателем Комиссии по устройству дополнительной пристройки над классами училища и постройке больницы. Он благополучно справился с этой задачей, и 18 апреля 1900 года епископ Никандр выразил ему особую за то благодарность.

На одном из торжественных актов в училище воспитанницы обратились к отцу Неофиту со словом, в котором охарактеризовали его труды и значение для них его деятельности. «Вы, как законоучитель и как инспектор и отец духовный, старались вложить в наши юные сердца семена божественного учения, – сказали они, – старались развить в нас любовь и твердую веру в Бога, которые в нашей последующей жизни в тяжёлые минуты несчастий будут единственным утешением, будут поддерживать нас на пути скорбей. Бог знает, что предстоит каждой из нас по окончанию курса. Может быть, одни из нас будут вести счастливую, весёлую жизнь, а другим предстоит тяжёлый путь, исполненный скорбей, может быть предстоит борьба из-за куска хлеба. Но чтобы ни ждало нас, где бы мы не находились, мы всегда с любовью и искренней благодарностью будем вспоминать Вас. Вы всегда с любовью относились к своему делу и, несмотря на трудную обязанность Вашу, Вы исполняли ее без ропота, с желанием сообщить нам больше знаний, развить не только наш ум, но также и наше сердце, сделать нас истинными христианками и честными добрыми гражданками. И за все Ваши заботы мы можем теперь только поблагодарить Вас и впоследствии, применяя все знания к нашей жизни, вспоминать о Вас с благодарностью и молиться за Вас всю нашу жизнь».

1 апреля 1899 года отец Неофит в соответствии со своей просьбой был назначен преподавателем греческого языка в Симбирское духовное училище, надеясь по истечении выслуги лет получить преподавательский оклад пенсии, полагающейся инспекторам классов в епархиальных училищах. В получении им преподавательской пенсии за него ходатайствовал перед Святейшим Синодом директор Хозяйственного управления П. А. Остроумов. Синод поддержал ходатайство Остроумова, но воспользоваться им отец Неофит не смог, по причине

опоздания печатания в Церковных ведомостях определения Синода о назначении пенсий законоучителям и инспекторам классов при епархиальных училищах. 14 июля 1900 года в соответствии со своим прошением отец Неофит был уволен с должности преподавателя греческого языка.

25 апреля 1900 года отец Неофит был назначен служить во Всехсвятскую церковь в Симбирске, одновременно он заведовал здесь церковно-приходской школой и преподавал Закон Божий.

Успех отца Неофита в строительстве епархиального училища подвиг епископа Никандра назначить его 16 июня 1900 года членом комиссии по составлению смет, проектов и планов при постройке здания духовной семинарии и общежития для своекоштных воспитанников. 18 августа отец Неофит был назначен председателем Симбирского отделения Училищного совета. 10 ноября ему было поручено заведование воскресной школой при городском училище.

Отец Неофит, хорошо зная митрополита Московского Владимира (Богоявленского)*, с которым они вместе учились в Киевской духовной академии, иногда обращался к нему с просьбами. В октябре 1902 года митрополит по просьбе отца Неофита перевел его в Москву и 4 февраля 1903 года по ходатайству Попечительства о бедных духовного звания назначил настоятелем церкви Воскресения Словущего, что на Ваганьковском кладбище, и заведующим Ваганьковским кладбищем.

Отцу Неофиту было поручено заниматься благоустройством кладбища, и он разработал правила по его благоустройству; впоследствии они были утверждены митрополитом Владимиром для всех московских кладбищ. 17 сентября 1903 года отец Неофит был назначен членом Комиссии по ремонту дома Попечительства, а с 1 мая 1904 года – наблюдателем за строительством дома для служащих Ваганьковского кладбища, которых в это время было уже более шестидесяти человек. 6 мая 1905 года отец Неофит был возведен в сан протоиерея. В 1909 году он был награжден орденом святой Анны 3 степени, в 1913-м – орденом святой Анны 2 степени, в 1916-м – орденом святого Владимира 4 степени.

Члены причта Воскресенского храма писали митрополиту Владимиру о протоиерее Неофите: «Проходя вместе с ним службу при Ваганьковском кладбище и будучи посему знакомы со служебной деятельностью почтенного отца протоиерея, считаем своим долгом засвидетельствовать <...> о его примерном добросовестном исполнении своих обязанностей. Будучи настоятелем храма, он внимательно заботится о том, чтобы все приходящие на кладбище для молитвы за своих ближних были безотлагательно удовлетворены. Для сего ежедневно, в 10 часов утра, наравне с прочими членами причта, он является к храму для служения панихид, а по окончании литургии обходит свой служебный участок. Благодаря его примеру и остальные члены причта исполняют неукоснительно свои обязанности. Как настоятелю, отцу протоиерею часто приходится сталкиваться с разными незаконными и неудобноисполнимыми требованиями посетителей кладбища. Не раздражаясь подобными требованиями, высказываемыми иногда в крайне грубых выражениях, отец протоиерей старается в этих случаях неизбежный отказ облечь в вежливую, но твердую форму, и этим почти всегда достигает прекращения возникшего неудовольствия. <...> Лично вникая в каждую отрасль кладбищенского хозяйства,

* Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский; память 25 января / 7 февраля.

а потому зная каждого служащего, он умеет подбирать подходящих людей для каждого дела. Вставая ранним утром, он уже в 6 часов наблюдает за деятельностью служащих, благодаря чему порядок и благоустройство кладбища находятся в примерном состоянии. Этот постоянный надзор за благосостоянием кладбища привел его к открытию новых, прежде неиспользованных источников дохода, благодаря которым увеличилась сумма, отсылаемая в Попечительство о бедных духовного звания. Им открыта при кладбище продажа памятников и других надмогильных принадлежностей, а также устроено собственное кладбищенское цветоводство, слесарно-кузнечное заведение, мастерские для выделки разнообразных деревянных и цинковых крестов, для выделки гранитных и мраморных памятников, их полировки, всё это вместе дающее в настоящее время такой доход, о котором нельзя было и думать назад тому несколько лет. Несмотря на то, что тягота всей этой деятельности лежит почти исключительно на отце протоиерее, он старается, чтобы о ней осведомлён был весь причт. Некоторым членам причта он поручает надзор за отдельными отраслями хозяйства, а вопросы о делах более важных предлагает на обсуждение причта».

Служа в Москве, протоиерей Неофит принимал активное участие в образовательных чтениях для фабрично-заводских рабочих, читая для них лекции в Московском епархиальном доме. Он основал миссионерское издательство, публиковавшее работы с изложением сути сектантских учений и возражений на них.

В начале XX столетия в России остро встал вопрос о трагических последствиях социального неравенства, о резком, бросающемся в глаза разделении населения страны на очень богатых и очень бедных, когда 10 % ее населения владели более чем половиной всех национальных богатств, а жители столицы империи, Санкт-Петербурга, получали жалование в четыре раза больше, чем в среднем все остальные жители России; в десять раз была разница в доходах между богатыми и бедными губерниями. Для падшего человеческого естества было естественным – богатым не думать об изменении этого пагубного для государства положения, решая этот вопрос исключительно в рамках частной благотворительности и учреждения богоугодных заведений под патронажем представителей власти и их близких родственников, отделяя нуждающимся, по евангельскому выражению, крохи с господского стола. И неминуемо было от того ждать беды. Отец Неофит это видел, но как разрешить этот вопрос? Как выйти из этого социально-нравственного тупика? Социалисты предлагали радикальное решение вопроса, но оно было похоже на дорогу, заведомо ведущую в тупик, когда, идя путем попирания заповедей, можно было оказаться в еще горшей беде.

«Допустим, что равномерное распределение последовало при посредстве тех самых учений и действий, какие проповедуют анархисты, т. е. люди, не признающие никакой власти и никакого старшинства, – писал отец Неофит. – Может ли оно долго и в бесконечность существовать? Конечно, нет. На другой же день люди с талантами и дарованиями начнут снова приобретать себе жизненных средств много более, чем бездарные, ленивые, а люди хитрые, склонные к своекорыстию и ханжеству станут, как и прежде, прибегать к насильственным мерам, чтобы захватить нечестными путями принадлежащее другим, будет ли то имущество, капитал, привилегии и пр. А люди, склонные к выражению страстей, понесут доставшееся им чужое добро сбывать за бесценок к людям наживы, которые принимают всё, что предлагают им за самую ничтожную плату, чтобы и

ей воспользоваться для удовлетворения своей страсти и склонности. Такие люди не думают о завтрашнем дне, чем будут жить и питаться. Имущество у них существует, можно сказать, для одной минуты, одного часа. О предстоящей нищете, которая явится с завтрашним днем, они не помышляют. Лучше завтра будут бедствовать, а сегодня поживут в свое удовольствие. <...> Но где взять капиталы, необходимые для раздела между всеми людьми и по преимуществу неимущими? У богатых? Добровольно никто не согласится отдать другому свое достояние, нажитое в поте лица. Если отнимать их у богатых насилием, то это поведет к неисчислимым бедствиям. Первее всего при этом нарушается не только христианская, но и человеческая справедливость, не позволяющая отнимать у другого то, что ему принадлежит – как собственность. Слово Божие осуждает не только присвоение, но и пожелание чужого: не пожелай дома ближнего твоего, ни села его, ни вола его, ни всего, что принадлежит твоему ближнему. Далее: у трудящегося ослабнет энергия к деятельности, он оставит свой труд и будет таким же нищим, как и другие, которые обездолили его, отняли у него его средства для его существования, он оставит свой труд, чтобы не кормить тунеядцев, этих паразитов современного быта, живущих ныне преимущественно грабежом и насилием. И так явится общая нищета вместо благоденствия. Напоследок, вероятнее всего, трудящиеся восстали бы на своих притеснителей и объедателей, и тогда вышло бы такое „братство и равенство“, что и подумать страшно. Как видите, причина несчастий человека заключается не в капитале, но в самом человеке. Поэтому всё учение в этом отношении наших освободителей, или, как их принято называть, социалистов, т. е. желающих устроить общинный быт людей на началах равенства прав и состояний, движется на ложном пути, который ведет не к устройению общественного быта, не к созиданию его на началах разумности, человечности, но к разрушению его путем насилий и грабежей, захвата власти. Ведь эти лица в Бога не веруют, а потому Божеских и человеческих законов не признают. Их заповедь: „бей, губи этих злодеев проклятых“, хотя бы то были отец, мать, правители и военачальники».

В 1909 году протоиерей Неофит был назначен членом комитета по постройке церковного дома, где должны были располагаться квартиры для служащих Воскресенского храма, просфорниц, псаломщика и сторожка. 9 сентября 1911 года он был назначен членом Московского епархиального миссионерского совета. Как священник, пользующийся большим авторитетом, он был избран депутатом на съезд духовенства, проведение которого было запланировано на 31 сентября – 14 октября 1911 года, а позже – депутатом епархиального съезда духовенства, состоявшегося 7–13 октября 1913 года. 7 июня 1914 года протоиерей Неофит был назначен настоятелем храма святителя Спиридона за Никитскими воротами.

В 1914 отец Неофит опубликовал вторым изданием собрание своих проповедей под названием «Слова и беседы». В отзыве на первое издание книги, вышедшей тогда под заголовком «Слова и речи», один из рецензентов отметил «удивительный тон автора, его ясную, точную, всегда весьма рассудительно проводимую и отчетливо передаваемую раздельность мысли, логичность суждения и вместе с тем глубоко проникающую всё содержание бесед и учений церковность. Спокойно, шаг за шагом, довод за доводом автор составляет из своих сжато высказанных, но всегда полно исчерпывающих мыслей одну красивую и стильную, целесообразную речь».

В 1916 году протоиерей Неофит был избран депутатом на съезд духовенства, состоявшийся 10–15 октября. В течение нескольких лет он безвозмездно преподавал Закон Божий в приюте великой княгини Елизаветы Федоровны.

Прискорбно было отцу Неофиту переживать изменившийся к худшему подход современных церковных людей к посещению храма, равнодушно относящихся к богослужению, даже тех, кто знал, что святыми отцами была установлена епитимия для пропускающих три воскресных богослужения подряд без уважительных причин. И это несмотря на то, что во время богослужения, как увещевал отец Неофит прихожан, «всё содействует возношению нашего ума и сердца к Богу и святым Его угодникам, всё направлено к водворению мира в нашей душе, тишины и упокоения». «Здесь все житейские попечения оставляются, – проповедовал он, – здесь видим и слышим только то, что относится ко спасению души, – и священнодействие совершается для души, и молитвы читаются для души, и слово Божие проповедуется для души. Потому-то в храме Божиим нередко стоят с благоговением и те, которые, входя в него, вовсе не были к тому расположены».

Он возражал тем, кто считал, что дома молиться удобнее, убедительно доказывая, что, переставая молиться в храме, христианин, если он еще таковым остается, в конце концов, перестанет молиться и дома и может дойти до такого состояния, что вовсе забудет о Боге. Отца Неофита поражало ставшее почти повсеместным явление, когда часть прихожан уходит из храма до окончания богослужения, не имея на то никаких уважительных причин. «Мы имеем в виду явление постоянное, проявляющееся каждый праздник и каждый воскресный день, – писал он. – Такими нарушителями церковного порядка бывают по преимуществу одни и те же лица, для которых это бесчиние вошло в обычай, в дурную привычку. Бегут из храма образованные и необразованные, увлекая за собой детей, подростков, мальчиков и девочек. И для чего оставляют церковное собрание эти лица? Стыдно сказать: скорее чаю напиться, в сытость поесть, табачным смрадом напиться, заняться пустыми делами, пересудами, сплетнями. <...>

Выходящие беспокоят остающихся в храме, не позволяют своими нескромными и стремительными движениями сосредоточиваться на молитве; своим неблагоповедением производят соблазн; стуком обуви, и шумом походки заглушают для предстоящих церковное чтение и пение, слушание слова Божия из уст служителя Божия. Как можно ожидать уважения к богослужебным действиям, к Таинству евхаристии от этих лиц, когда в их сердце нет в достаточной мере страха Божия. Ведь только с гульбищ уходят без всякого смущения и бегут кому куда хочется. Во всяких же других собраниях, особенно там, где лица собраны гостеприимным хозяином на вечерю, гости остаются до конца ее иногда помимо своего желания, из угождения хозяину. И всякий благоразумный общественный деятель сочтет свой поступок невежественным и оскорбительным для сочленов, если бы он позволил себе без всякой причины и по личному произволу бегство из благородного собрания, предназначенного для решения важных общественных дел. Но здесь, в храме, разве не общественная служба совершается, не общественное дело творится, разве не по приглашению доброго гостеприимного хозяина, Господа нашего Иисуса Христа, явились вы сюда? <...>

Но особенно бегство из храма начинается тогда, когда отец ваш духовный выйдет на амвон для сказывания проповеди, назидания от слова Божия. Вместо

того, чтобы стать поближе к амвону и получше выслушать поучение своего руководителя в жизни духовной, многие в это время ринутся ко всем не запертым дверям храма, чтобы выйти из него вон, а некоторые начнут разговаривать во время проповеди, шуметь, кашлять, громко читать молитвы, охать, вздыхать, потягиваться, прикладываться к иконам, словом – начнут бесчиние, не допускаемое в священных церковных собраниях. Какая обида для проповедника может быть больше той, как эта, когда долженствующие слушать не только не хотят этого делать, но и препятствуют говорить. <...> А вздумай пастырь обличать пороки, делать внушения, им весьма многие останутся недовольны, явятся у него враги. Тяжела и горька твоя доля, пастырь церкви Христовой! Разве не знают эти беглецы из храма, эти бесчинники в храме, что пастыри ваши совершают не свое дело, а дело Того, Кто сказал им: идите, научите все народы соблюдать всё, что Я заповедал вам. <...>

Возражают, что в поучениях ничего не предлагается нового, всё в них старое, давно известное, а потому не интересное, не заслуживающее того, чтобы их слушать. <...> Людям мира не наскучивает прислушиваться к толкам людским об одном и том же, к разным приключениям дня, к сплетням и пересудам: почему же так скучны для них и тебя поучения твоего духовного отца. Слова его идут через него от Спасителя мира, раздаятеля благ временных и вечных. <...>

Бегут из церкви, как говорят, потому, что скучно слушать проповедников, так как они не красиво говорят, отвлеченно и не ясно излагают свои мысли, говорят слишком долго, чем утомляются слушатели. Но Христос Спаситель для распространения веры Своей между людьми избрал не ораторов своего времени, не знаменитых мира сего ученых людей, но буиих мира, людей не книжных и неискусных в красноречии. Однако они своей проповедью, простой и безыскусственной, покорили мир Христу и утвердили Его Церковь. <...>

Бегут из храма и не желают слушать проповедь люди горделивые, ложно ученые и полуобразованные, считающие себя выше и лучше проповедника в понимании жизни и слова Божия. Этой гордостью проникнуто и наше юношество учащееся и где-либо учившееся. <...> Оно-то первое и бежит от нее из храма. Жалкая и страшная эта истина! Но верно то, что это юношество в настоящее время грубо и дико чуждается всего истинно высокого, прекрасного, чистого, душу человеческую укрепляющего, дающего ей силы на борьбу с существующим в современном обществе злом. Не увидит на себе оно благословения Божия, почему не найдет себе и счастья на земле и вечных благ на небе, если не будет и далее слушать голоса своей совести и учения Иисуса Христа».

Наступило жестокое время гонений на христианство, для одних неожиданное, для других ожидаемое – свидетельство долготерпения Божия. И становилось страшно от предчувствия тех ужасов, которыми это время грозило, от той беспечности, с которой продолжали жить люди, как будто вновь желая пережить то, что чувствовали когда-то жители погибших городов Содомы и Гоморры. Казалось, вновь оживал древний языческий мир, но только в еще большей жестокости, как отступивший от уже проповеданного ему Христа.

В одной из проповедей отец Неофит так характеризовал это время: «Дожили мы с вами, православные христиане, до ужасного времени. На Руси святой, в граде Москве, в этом столпе православия, появились безбожники, новые учителя и проповедники, которые всюду и без зазрения совести кричат и учат: нет в мире Бога, можно и без Бога жить, не надо церковью святых, не надо священников, они де обманывают народ к своей корысти, оставляйте веру,

„товарищи“, она отжила свой век. Эти противники Бога восстают против всего божественного, против всего святого; самое имя Бога им ненавистно, они издеваются над всем, что так дорого истинному христианину, что велико и священно в его глазах. В нравственном отношении эти люди падшие, весьма вредные. Убить кого-либо, ограбить, обмануть – это для них удовольствие, это пища их души. Никакого незаконного дела не считают они за грех, у них всё дозволено. Смерти они не боятся, без сожаления к себе идут они на казнь. Их единомышленники воздают им чествование, причисляют их к числу героев. Таково геройство современников беззаконников. Убивать, грабить, мстить, палить жилища мирных граждан им приятнее, чем спасать, миловать, благотворить, прощать. Наводить страх, ужас гораздо приятнее им, чем развивать всюду мир, спокойствие, радость. Как извращаются этим понятия о христианской нравственности! Где вы – любовь христианская, где свобода православного русского человека? Разве это свобода христианства, когда не дают никому свободно делать добро, когда стесняют, преследуют за всякое доброе стремление, когда хотят стереть с лица земли всех блюстителей веры, чести и правды. Разве это любовь, когда любят только подобных себе убийц и грабителей, за них стоят, им рукоплещут как героям, им свободу дают на преступления, тогда как проповедников свободы и любви христианской, евангельской по учению Православной Церкви ненавидят и преследуют».

31 мая 1918 года в своей квартире на Пятницкой улице в Москве был арестован вместе с бывшими у него в это время гостями настоятель храма Василия Блаженного, известный московский миссионер протоиерей Иоанн Восторгов. Среди гостей были епископ Селенгинский Ефрем (Кузнецов) и миссионер Николай Юрьевич Варжанский, зять протоиерея Неофита Любимова, муж его дочери Зинаиды.

Как это часто бывает, люди с ходатайствами за дорогих им людей обращаются к кому-либо из власти имущих, если ранее были с ними или с кем-либо из их близких знакомы. 13 июня протоиерей Неофит направил письмо инициатору русской революции, председателю Совнаркома В. И. Ленину, с отцом которого был знаком по педагогической деятельности в Симбирске.

«Невзгоды были и в семье Вашего дорогого родителя, они касались и Вас, и Вы были дороги для своих родителей, – писал ему отец Неофит. – Тяжело и мне переносить невзгodu своей дочери и своего зятя. Покорнейше прошу принять участие в моем горе: благоволите отпустить моего зятя от всяких преследований и от тюрьмы, или же отдать мне на поруки. Он человек благонамеренный, советское правительство признает и подчиняется ему, каких-либо контрреволюционных выступлений нигде никогда не имел, он проповедник слова Божия – миссионер, и только. Прошу Вас <...> ради памяти вашего родителя, <...> помочь мне в моем горе: освободить Варжанского из тюрьмы и возвратить в его семью, под моею порукой он никуда не сбежит и ничего противозаконного и антиреволюционного не совершит». Ответа на это письмо отец Неофит не получил.

20 июля 1918 года патриарх Тихон сообщил членам Поместного Собора о расстреле бывшего императора Николая II и добавил, что благословляет архипастырей и пастырей молиться в храмах об упокоении бывшего государя, и тут же сам отслужил по убитому панихиду. Александр Дмитриевич Самарин, член Поместного Собора, бывший когда-то обер-прокурором Святейшего Синода, был прихожанином храма святителя Спиридона, где состоял товарищем председателя

в приходском совете, председателем же был протоиерей Неофит. В день, когда патриарх сообщил о случившемся, перед всенощной в храме собрались члены совета, и Александр Дмитриевич рассказал им, что происходило на заседании Собора в связи с известием о смерти Николая II.

Служить панихиду попросили протоиерея Неофита, и на следующий день, 21 июля, в 5 часов вечера им была отслужена панихида по почившему. И в этот же вечер отец Неофит был арестован. Узнав об этом, Александр Дмитриевич понял, что вслед за отцом Неофитом арестуют и его. И действительно, лишь только он выехал из Москвы, в его квартиру явились сотрудники Чека, чтобы его арестовать. Некоторое время ему пришлось жить на нелегальном положении, по чужим документам, и это сохранило его от ареста в 1918 году.

В тот же день следователь К. Рацен допросил доставленного в тюрьму протоиерея Неофита, которому было тогда семьдесят два года, что было отмечено сотрудниками Чека. Отвечая на вопросы следователя, священник сказал: «Протоиерей я около двенадцати лет, раньше служил в Симбирске преподавателем духовной семинарии и Мариинской гимназии, где прослужил двадцать шесть лет. В Симбирской губернии я служил с отцом Ленина, сестры Ленина учились у меня. 20 июля в храме состоялось совещание. <...> На совещании Самарин предложил отслужить панихиду по Николаю, который был помазанником Божиим, и о нем следует просить Бога об отпущении ему грехов. Совещание согласилось. Меня просили отслужить панихиду, на что я согласился. Выработали формулу: об убиенном новопреставленном бывшем царе Николае. Ввиду того, что мы молимся за всякого православного христианина, я по просьбе согласился служить панихиду. Слышал, что в других церквях так же были отслужены панихиды по Николаю. По убеждениям я беспартийный, в Союзе русского народа и других монархических организациях не состоял. На совещаниях Собора я не бываю. С Восторговым встречался только по служебным делам. Самарин третьего дня был на заседании Собора, но о чем там рассуждали, не знаю».

Этих ответов следователю показалось недостаточно для обвинения отца Неофита, и он стал изучать материалы, которые были изъяты при обыске, в том числе проповеди священника, и некоторые из них показались ему контрреволюционными. Особенно контрреволюционным ему показалось то место в проповеди, где протоиерей Неофит говорит: «Разве это свобода христианства, когда не дают никому свободно делать добро, когда стесняют, преследуют за всякое доброе стремление, когда хотят стереть с лица земли всех блюстителей веры, чести и правды? Разве это любовь, когда любят только подобных себе убийц и грабителей, за них стоят, им рукоплещут как героям, им свободу дают на преступления, тогда как проповедников свободы и любви христианской, евангельской по учению Православной Церкви ненавидят и преследуют?» Этот фрагмент проповеди следователь внёс впоследствии в обвинительное заключение, как якобы доказывающий контрреволюционные намерения священника.

2 августа следователь снова допросил отца Неофита, но ничего того, что компрометировало бы его в глазах власти, от него не услышал. 26 октября следователь составил обвинительное заключение, написав, что, по его мнению, Любимов явный монархист и противник советской власти. За служение панихиды по убиенному царе Николае его объективно осуждать нельзя, так как панихиду тогда служили во всех церквях, она служит лишь фактом его

контрреволюционной деятельности, как участника заговора духовенства. Но, принимая во внимание все найденные у протоиерея Неофита контрреволюционного характера документы, следователь предложил его «немедленно расстрелять».

30 октября 1918 года состоялось заседание президиума Коллегии отдела по борьбе с контрреволюцией, состоявшего из трех лиц: Манцева, Скрипника и Закиса. Двое проголосовали за расстрел, Манцев предложил заключить арестованного в концентрационный лагерь. Судьба священника решилась большинством голосов, и он был приговорен к расстрелу.

Протоиерей Неофит Любимов был расстрелян в тюрьме и затем погребен в свободной от могил части Калитниковского кладбища, где был погребен его зять, Николай Юрьевич Варжанский, и где были похоронены многие в тот период по бессудным приговорам расстрелянные.

Чекисты так спешили расстрелять отца Неофита, что забыли написать дату – в какой день приговор был приведен в исполнение, и только когда в 1927 году ОГПУ стало приводить свои архивы в порядок, решили – дату смерти считать с 30 октября.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)